
ИРИНА ТАЛИНСКАЯ
КАПИТАН ОСТ
-СОКРОВИЩА НАЦИИ-
3 КНИГА

Ирина Талинская

Капитан Ост. Сокровище нации. 3 книга

Серия «Капитан Ост.», книга 3

https://litres.ru/74563839
SelfPub; 2026

Аннотация

В новой книге Капитан Кирилл Ост едет в Италию после звонка своей сестры. Её подозревают в ограблении банка, открытии ячейки, которая была закрыта почти сто лет... У сестры открывается дар погружения в прошлое, которым обладает и Кирилл. Вместе они расследуют дело и раскрывают тайны столетней давности.

Содержание

Глава 4
Глава 1. Звонок из Рима 5
Глава 2. Чужак в Вечном городе 17
Глава 3. Портрет баронессы 35
Глава 4. Ячейка №1917 57
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Ирина Талинская Капитан Ост. Сокровище нации. 3 книга

Глава

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны

Глава 1. Звонок из Рима

Голос из динамика над гейтом был бесстрастен, как чтение приговора хорошо выспавшимся секретарём: «Рейс Москва — Рим, вылет в один час двадцать минут, начало посадки будет объявлено дополнительно». Кирилл выслушал это с тем же равнодушием, с каким слушал в отделении сводки о ДТП с пострадавшими, не имеющими отношения к его делу. Разница была та, что на этот раз пострадавшая имела к нему самое прямое отношение.

Он сидел в пластиковом кресле зоны ожидания и смотрел на телефон, будто тот мог сам, без его участия, набрать нужный номер и объяснить, что происходит. Экран показывал время: без семи минут полночь. Кирилл прикинул, что в Риме сейчас на два часа меньше и что там, стало быть, тоже ночь.

Сообщение от сестры он прочитал почти сутки назад, на заправке под Тверью, когда возвращался домой из Осташкова. Тогда за спиной уже осталось дело о скелете в подвале, недоразумение с Макаровым Петром, двоюродным дядькой отца, которого чуть не записали в убийцы.

Кирилл был доволен собой ровно настолько, насколько мог позволить себе быть довольным человек, отработавший почти две недели. Он стоял тогда рядом с кассой , когда экран мигнул новым сообщением:

«Кирилл, перезвони, как сможешь, меня подозревают в ограблении банка и я, кажется, схожу с ума»

Он тогда ещё усмехнулся про себя — не потому что было смешно, а потому что София умела драматизировать почти все, и первой мыслью было: опять что-то с багажом или с гастрольным реквизитом, оркестр отменил концерт, а она решила, что это конец света. Он набрал номер у машины, слушая длинные гудки в холодном воздухе апреля, и запах бензина показался ему в тот момент почему-то уместным, как будто вся эта история должна была начаться именно с чего-то дешёвого и едкого.

Гудки шли и шли, потом обрывались коротким сигналом занятой линии, потом снова гудки. Он звонил ещё дважды по дороге — один раз стоя на светофоре, другой раз уже дома, успокаивая себя, что просто Соня не берёт трубку, наверное, спит уже.

Он поднял голову к электронному табло над стойкой регистрации. Рейс на Рим по-прежнему значился «по расписанию», зелёными буквами, спокойными, как будто вся эта история была не более чем недоразумением с гастролями. Флегматик, говорила про него мать. Может быть. Но сейчас, сидя в кресле у гейта, ожидая посадки на рейс, который вёз его не в отпуск, не в командировку, а прямиком в дело, где обвиняемой была его младшая сестра, было не до спокойствия.

Он выпрямил ноги, поправил сумку у себя между ботинок

и решил, что подумает об этом ещё раз, спокойно, по порядку — вспомнит звонок, слово за словом, всё, что успела сказать София прежде, чем связь оборвалась окончательно.

* * *

Звонок раздался в начале второго ночи, и Кирилл сразу понял по первой же секунде тишины перед голосом, что случилось что-то настоящее. София не звонила ночами просто так — она писала голосовые сообщения, длинные, с музыкой на фоне, с смехом невпопад. А тут — звонок, и тишина, и потом дыхание, слишком частое для человека, который просто соскучился.

— Соня?

— Кирюш. — Голос дрогнул уже на этом одном слове. — Кирюш, мне нужно, чтобы ты... чтобы ты меня выслушал, только не перебивай, ладно? Не перебивай.

Он сел на кровати, включил лампу и почувствовал, как всё внутри собирается в один комок настороженности — профессиональной, отработанной за годы, той, что включается раньше, чем успеваешь испугаться.

— Слушаю.

— Меня арестовали, то есть, ну, как бы арестовали, но не совсем, тут все так странно говорят, я не понимаю итальянский до конца, а переводчица смотрит на меня так, как будто я преступница, а я не преступница, Кирилл, я правда ничего не делала, я просто играла на рояле, а потом... — Она задохнулась, будто сама не успевала за собственными словами.

— А потом я увидела портрет и что-то случилось, я не знаю что, я видела руки, видела банковскую ячейку и я сказала это слово, я не знаю откуда, честное слово, не знаю.

— Какое слово?

— Бамто. — Она произнесла его так, будто пробовала на вкус что-то чужое, застрявшее в горле. — Бамто, Бамто, я говорила и говорила, а потом очнулась и начала падать в обморок.

А через два дня я пошла в этот банк, где была эта ячейка , и меня задержали. Там... там кто-то уже пытался накануне что-то вскрыть, и теперь думают на меня, Кирилл, они думают, что это я.

Он молчал секунду, взвешивая, что из этого правда, а что — паника, обрастающая подробностями на ходу. За двадцать два года он выучил сестру достаточно, чтобы отличать её обычную взбалмошность от настоящего ужаса, и сейчас это был ужас — плотный, безадресный, тот самый, что заставляет человека хвататься за первое подвернувшееся слово и повторять его как заклинание.

— Соня, где ты сейчас физически находишься? Улица, район, хоть что-то.

— Не знаю, честно не знаю, тут какое-то старое здание, каменное, с гербом над дверью, меня привезли на машине минут двадцать от банка...

— Фамилию следователя запомнила? Или хоть звание, форму?

— Марко... кажется, Марко что-то, у него ещё такой... — Она вдруг замолчала, и в трубке что-то зашуршало, будто телефон отняли и снова прижали к уху. — Кирилл, мне страшно. Мне очень страшно, я сама не понимаю, откуда взялось это слово, я никогда его не слышала, и эта женщина на портрете смотрела на меня так, будто знала...

— Соня. — Он произнёс её имя жёстче, чем хотел, просто чтобы вернуть внимание к себе, а не к тому, что творилось у неё в голове. — Адрес участка. Или название банка. Мне нужна хоть одна зацепка, чтобы...

Связь оборвалась ровно на середине фразы, будто кто-то одним движением перерезал провод между Москвой и Римом. Ни щелчка, ни гудка — просто тишина, абсолютная, не такая, какая бывает при разъединении, а такая, какая бывает, когда телефон выключают силой.

Кирилл ещё секунд десять сидел неподвижно, глядя на экран, где высветилось «Соня» и под ним — длительность разговора, три минуты сорок одна секунда. Три минуты сорок одна секунда паники, из которой он вытащил одно слово — не название улицы, не фамилию целиком, а что-то вроде «Бамто», непонятное, ничего не значащее, застрявшее теперь и у него в голове так же прочно, как, судя по голосу, застряло у неё.

Он перезвонил. Раз, другой. На третий раз механический женский голос, ровный, безразличный к тому, что происходило по ту сторону сигнала, произнёс что-то на итальянском,

из чего Кирилл понял только интонацию — интонацию отказа. Абонент недоступен. Он всё равно набрал в четвёртый раз, просто чтобы услышать эту фразу ещё раз, будто повторение могло что-то изменить, и положил трубку, только когда голос произнёс её снова, слово в слово, с той же вежливой окончательностью.

Он сидел в темноте кухни, держа телефон в руке, и чувствовал, как исчезает всякий смысл ждать. Ждать письма из консульства. Ждать, пока итальянские коллеги соизволят прислать разъяснение через положенные семь дней. Ждать, пока кто-то там, за три тысячи километров, решит, что делать с его сестрой, которая — он был уверен в этом почти физически — не крала ничего в жизни крупнее чужого мороженого в детстве.

Решение оформилось не как вспышка, а как что-то давно очевидное, просто отложенное на потом. Лететь нужно было самому. Срочно.

Он встал, включил свет в прихожей и потянулся за сумкой, которая всегда стояла наготове с тех пор, как он выбрал профессию, где сборы за час — не геройство, а рутина.

* * *

Телефон Дегтярев взял на четвёртом гудке, и первые полторы секунды в трубке слышалось только дыхание, будто начальник отдела как раз в этот момент устраивался поудобнее для очередной претензии.

— Ост. В два часа ночи. Ты хоть знаешь, который час?

— Знаю, Виктор Палыч. Извините.

— Знает он. — В трубке снова заскрипело, потом послышался звук наливаемого чая, — Ну, что у тебя.

— Мне нужна неделя. За свой счёт. Семейные обстоятельства.

— Семейные обстоятельства, — повторил Дегтярев таким тоном, будто пробовал слова на зуб и остался недоволен вкусом. — У тебя дело Черёмушкинского висит незакрытое. Три квартиры, один и тот же почерк, экспертиза обещала результат к пятнице.

— Экспертиза может подождать до понедельника после следующей недели, Виктор Палыч. Взломщик никуда не убежит, он уже неделю сидит тихо, залёг на дно.

— А ты, значит, уже и его психологию просчитал.

— Есть немного опыта.

Дегтярев помолчал, а значит, уже почти сдался, просто хотел сначала выпустить пар для порядка.

— Что за обстоятельства-то. Мать заболела?

— Сестра, — сказал Кирилл коротко. — За границей. Нужно съездить.

— За границей, — эхом отозвался Дегтярев, и в его голосе прорезалось что-то похожее на любопытство, но не настолько сильное, чтобы всерьёз добиваться подробностей в третьем часу ночи. — Ну съезди. За свой счёт, значит. Заявление на стол в понедельник, как приедешь, задним числом подпишу. И чтобы без международных инцидентов мне,

Ост, ты понял? У тебя ж диплом, форма, всё как положено, а ведёшь себя иногда, будто сам себе закон.

— Так точно. Без инцидентов.

— Ладно. Держи меня в курсе, если что серьёзное. — И, не дожидаясь ответа, Дегтярев повесил трубку с той решительностью, с какой обычно закрывал совещания, если разговор грозил затянуться дольше десяти минут.

Кирилл опять подумал о том, как он иногда видит чужое прошлое. Он давно перестал задаваться вопросом, откуда это взялось. Вспышки приходили не по расписанию и не по желанию — от прикосновения к старой вещи, иногда просто от запаха, — и всякий раз оставляли ощущение, будто он на секунду подсмотрел в замочную скважину чужой, давно захлопнутой двери. А ведь однажды в детстве, лет в двенадцать, он взял в руки медный подсвечник из бабушкиного сундука и увидел — не представил, а именно увидел, с той же ясностью, с какой видел сейчас тёмное окно перед собой, — лицо офицера в мундире царской армии, темноволосого, с усталыми серыми глазами и шрамом над бровью, который наклонился над письменным столом и что-то торопливо писал, оглядываясь на дверь. Видение длилось секунды три, не больше, и растворилось раньше, чем Кирилл успел испугаться. Он тогда никому не рассказал и событие это забылось, как сон. И вот спустя пятнадцать лет снова началось повторяться.

Он никому не рассказывал. Даже теперь, взрослым, при

должности, с погонами, он держался этого правила так же твёрдо, как держался бы присяги, — не потому что боялся насмешек, а потому что где-то на уровне инстинкта понимал: то, что можно объяснить логикой и уликами, полиция примет. То, что нельзя, полиция сочтёт основанием для сомнений в его вменяемости, а сомнения в вменяемости — последнее, что нужно человеку, который сейчас собирается лететь в чужую страну вытаскивать сестру из-под подозрения.

* * *

Объявили о начале посадки на рейс до Рима. Голос диктора, механический и равнодушный, произнёс что-то про сорок пятый гейт, и очередь у стойки, до того вялая и разрозненная, начала стягиваться в подобие живой линии — люди с чемоданами, женщина с ребёнком на руках

Юрисдикция московского уголовного розыска, подумал он с той сухой иронией, которая обычно спасала его в самые неподходящие моменты, заканчивается ровно на паспортном контроле. Дальше — воздушное пространство, потом чужая земля, чужие законы, чужая полиция в форме, которую он видел только в кино, и ни одной бумаги, дающей ему право хоть на что-то, кроме права быть братом. Смешно, если вдуматься. Пять лет службы, три благодарности, один выговор за самоуправство при задержании — и всё это обнуляется одним росчерком границы. По ту сторону он не де-

тектив. Просто гражданин Ост, приехавший по личному делу.

Сестра, впрочем, границ не признавала. Она была его сестрой что в Москве, что в Риме, что на Луне, если бы её туда занесло, а зная её характер, могло бы дойти и до этого. Юрисдикция кончалась. Родство — нет.

Очередь на посадку сдвинулась, и Кирилл вслед за ней. Подошла его очередь у стойки — девушка в форменном синем пиджаке, уставшая, с механической улыбкой на автопилоте, протянула руку.

— Паспорт и посадочный, пожалуйста.

Он протянул оба документа, ровно, без суеты, хотя внутри что-то натянулось, как струна перед последним поворотом ключа. Девушка сверила фотографию с лицом, кивнула, пробила штрих-код сканером, вернула бумаги.

— Приятного полёта.

— Спасибо, — ответил он и понял, что это первое слово, которое он произнёс вслух за последний час, не считая мысленных монологов с самим собой.

Он прошёл по рукаву-гармошке, чувствуя лёгкий сквозняк, тянувший откуда-то снизу, из щелей между стыками, и на секунду задержался у самого входа в салон, оглянувшись назад — туда, где за стеклянной стеной уже темнел выход Пути назад после этого шага, собственно, уже не было — не потому что билет был без возврата, а потому что решение, принятое несколько часов назад над телефоном с этим обо-

рванным сообщением, стало необратимым в тот момент, когда он его принял, а не в тот, когда сел в кресло.

Он занял своё место у иллюминатора, пристегнулся, привычно, на автомате, положил сумку под сиденье впереди. Салон наполнялся людьми, шуршанием курток, стуком откидных столиков, обрывками разговоров на разных языках. Стюардесса прошла по проходу, проверяя ремни, и её форменный жакет на мгновение мазнул рукавом по плечу Кирилла — случайное, ничего не значащее прикосновение, и всё же где-то на самом краю сознания, там, где обычно зарождались вспышки, мелькнуло что-то. Не видение, нет, слишком коротко и смазанно для настоящего видения, скорее его тень, эхо — лицо мужчины в тёмном мундире с высоким стоячим воротником, серые усталые глаза, шрам над бровью, тот самый, из детства, из подсвечника. Мелькнуло и пропало, прежде чем он успел удивиться, оставив только лёгкое покалывание в затылке, как бывает, когда узнаёшь чужой голос в толпе и не можешь вспомнить, откуда.

Двери самолёта закрылись с глухим механическим стуком, отсекая салон от рукава, от аэропорта, от Москвы, от всей той жизни, в которой у него ещё было право предъявить удостоверение и сказать «я веду это дело». Загорелось табло «пристегните ремни». Кирилл посмотрел в иллюминатор, туда, где в темноте угадывались огни взлётной полосы, и подумал, что где-то там, в Риме, его сестра сейчас сидит, вероятно, в казённом кабинете под чужим протоколом, повто-

ряет одно и то же слово — «Бамто» — людям, которые не понимают, что оно значит, и, наверное, боится больше, чем говорит.

Он закрыл глаза. Самолёт качнулся и покатился по полосе, набирая скорость, и вместе с этим движением пришло странное, почти умиротворяющее ощущение точки невозврата, знакомое любому, кто когда-либо принимал решение раньше, чем осознавал его последствия.

Глава 2. Чужак в Вечном городе

Фьюмичино встретил его влажным теплом, странным для конца сентября, и запахом кофе, который просачивался сквозь стеклянные двери терминала ещё на подходе к выходу. Кирилл вытащил из внутреннего кармана телефон, где на экране блокировки всё ещё горело оборванное сообщение от Софии, с указанием адреса полицейского участка, — вышел на площадку перед стоянкой такси.

Такси оказалось потрёпанным «мерседесом» с пахнущим ёлкой освежителем на зеркале. Кирилл сел назад, назвал адрес, и машина тронулась, вливаясь в поток с той итальянской беспечностью, которая у московского водителя сошла бы за наглость, а здесь, видимо, была нормой.

Он откинулся на сиденье и позволил себе на минуту сложить то немногое, что знал, в единую картину, хотя картина эта скорее напоминала мозаику, из которой выпало три четверти кусочков. Банк. Ячейка. Слово «Бамто», которое сестра произнесла, глядя на портрет какой-то баронессы, и которое теперь, судя по всему, интересовало итальянскую полицию больше, чем самого Кирилла. И тот факт, что накануне кто-то другой уже пытался вскрыть именно эту ячейку — не самой Софии, но достаточно близко по времени, чтобы бросить на неё тень.

— Первый раз в Риме? — спросил таксист на английском

языке, поймав его взгляд в зеркале заднего вида.

— Не совсем, — ответил Кирилл коротко, хотя это было не совсем правдой: он никогда здесь не был, просто не хотел разговора.

— О, туристы, туристы, — таксист покачал головой с той смесью раздражения и гордости, с какой местные жители всегда говорят о толпах, кормящих их город. — Осень, а всё равно очереди в Ватикан. Летом вообще с ума сходят.

Кирилл кивнул, не особенно вслушиваясь, и стал смотреть на фасады, проплывающие за стеклом: облупленная охра, тёмный камень, балконы с бельём и геранью, — контраст настолько плотный с тем, что ждало его в конце поездки, что на секунду стало почти смешно. Через час-другой ему предстояло продираться сквозь сухой протокол на чужом языке, выяснять у людей, у которых нет никаких причин быть с ним откровенными, что случилось с его сестрой в стране, где у него не было ни звания, ни полномочий, ни даже уверенности в том, что его вообще станут слушать.

Здание карабинерии оказалось именно таким, каким он его себе представлял, только старше: тяжёлый каменный фасад, потемневший от веков, с гербом над входом — орёл и что-то ещё, разобрать он не успел, — и высокими дверями, которые выглядели так, будто помнили ещё королевскую Италию. Кирилл расплатился, вышел, закинул сумку на плечо и на мгновение остановился у самых ступеней.

Он думал, как представиться. «Брат задержанной» звуча-

ло слишком просительно, слишком обречённо ставило его в позицию просителя, которого выслушают из вежливости и отправят домой ждать звонка адвоката. «Коллега» — тоже нет, врать не хотелось, да и не имело смысла: рано или поздно проверят документы, и тогда пять минут вежливости превратятся в час недоверия.

Он решил не выдумывать. Поднялся по ступеням, толкнул тяжёлую дверь и подошёл к стойке, за которой сидел дежурный — молодой, с аккуратными усиками, всем видом показывающий, что его смена скучна и он был бы рад любому развлечению, кроме того, которое сейчас к нему подошло.

— Buongiorno, — сказал Кирилл и положил на стойку раскрытое удостоверение московской полиции. — Капитан Ост, уголовный розыск, Москва. Мне нужно поговорить со следователем, который ведёт дело Софии Ост. Задержана вчера, банк Витоцци-Грассо.

Дежурный посмотрел на удостоверение с тем выражением, с каким смотрят на иностранную валюту в обменнике: вроде и деньги, а непонятно, сколько стоят. Он взял документ двумя пальцами, повертел, вернул.

— Un momento, — сказал он и снял трубку внутреннего телефона, набрал короткий номер, произнёс несколько фраз слишком быстро, чтобы Кирилл успел разобрать больше пары слов — «фрателло», «руссо», «полиция».

Пауза на том конце явно затянулась. Дежурный повесил трубку и посмотрел на Кирилла уже без всякого сочувствия,

скорее с любопытством человека, ожидающего представление.

— Синьор Конти сейчас спустится, — сказал он и, помолчав, добавил с плохо скрытым удовольствием: — Он вас не ждёт.

Кирилл кивнул, будто это была самая обыкновенная новость на свете, и отошёл к каменной стене, чтобы ждать, разглядывая герб над дверью и стараясь не думать о том, что где-то в этом же здании, возможно, за одной из тех дверей, сидит сейчас его сестра.

* * *

Марко Конти спустился быстрее, чем можно было ожидать от человека, которого «застали врасплох». Худой, подтянутый, в мятой рубашке с закатанными рукавами — вид человека, который спал часа четыре и намерен спать ещё меньше, пока дело не закрыто. Он остановился в трёх шагах, окинул Кирилла взглядом с головы до ног, будто оценивал габариты потенциального осложнения, и не подал руки.

— Капитан Ост, — произнёс он по-английски, с таким нажимом на звание, что оно прозвучало почти оскорблением. — Позвольте сразу внести ясность. У вас нет юрисдикции в Италии. Никакой. Вы не консультант, не эксперт, не наблюдатель по линии Интерпола. Вы частное лицо, которому повезло иметь красную корочку в другой стране.

— Я в курсе, — сказал Кирилл. — Я и не претендовал.

— Тогда зачем вы здесь?

— Навестить сестру.

Марко посмотрел на него так, будто Кирилл сказал, что прилетел в Рим за мороженым. Хмыкнул, коротко и без тени веселья.

— Навестить, — повторил он, пробуя слово на вкус, как проверяют монету на зуб. — Через полмира. С удостоверением в кармане, которое здесь не имеет никакого значения.

— Профессиональная привычка. Не мешает жить.

— Мешает мне, — отрезал Марко. — У меня открытое дело о попытке кражи из частной ячейки. У меня подозреваемая, которая не может внятно объяснить, откуда она знает код доступа столетней давности. И теперь у меня ещё и брат подозреваемой, который явно рассчитывает провести собственное маленькое расследование за моей спиной, пока я разбираюсь с прокурором.

Кирилл не стал спорить. Спорить с человеком, который прав, — трата времени и хорошего настроения, которого и так было немного.

— Расскажите, что произошло, — сказал он вместо этого. — Без протокола, если угодно. Я всё равно узнаю рано или поздно, лучше сейчас и от вас, чем через адвоката, который перепутает половину терминов.

Марко смотрел на него ещё секунду, взвешивая, сто́ит ли отказывать из принципа. Видимо, решил, что не стоит — усталость перевесила гордость.

— Хорошо, — сказал он, скрестив руки. — Только корот-

ко. Ваша сестра явилась в банк Витоцци-Грассо вчера днём. Спросила у служащего доступ к ячейке под номером тысяча девятьсот семнадцать, оформленной в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Знаете, что это за банк?

— Нет.

— Старая контора, семейная, из тех, где ячейку может открыть только владелец лично или наследник по завещанию, и никак иначе, хоть трон поставь. Так вот, ваша сестра приходит и называет код доступа. Одно слово.

— Какое?

— «Бамто», — произнёс Марко медленно, по слогам, будто само слово было уликой. — Служащий, разумеется, впадает в ступор, потому что коды такого рода не то что не публикуются — они физически не могли попасть к постороннему человеку. Он звонит охране. И вот тут начинается интересное.

Кирилл молчал, ждал.

— Накануне ночью, — продолжил Марко, — кто-то вскрыл сигнализацию в хранилище и попытался добраться до той же самой ячейки. Той же. Не соседней, не похожей — той же самой, номер в номер. Взломщика спугнули, он ушёл ни с чем, охрана составила протокол, полиция начала проверку. А на следующий день в банк является молодая женщина и произносит вслух код доступа к тому же сейфу.

Он сделал паузу, дал фразе повиснуть в воздухе.

— Вы понимаете, капитан, как это выглядит с моей сторо-

ны. Слишком удачное совпадение, чтобы быть совпадением.

— Она объяснила, откуда знает слово?

— Нет, — сказал Марко, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на человеческую растерянность, тут же спрятанную обратно за протокольный тон. — Говорит, увидела портрет какой-то баронессы на приёме накануне, и слово само пришло в голову. Услышала его во сне, как она выразилась. Согласитесь, следователю трудно занести такое объяснение в протокол без смеха.

— Полегче, — сказал Кирилл. Ровно, без нажима, но так, чтобы Марко услышал границу.

Итальянец пожал плечами, не извиняясь.

— Я не смеюсь, капитан. Мне не до смеха. У меня банк с вековой репутацией, требующий крови за нарушение безопасности хранилища, у меня прокурор, который ждёт версию к среде, и у меня девушка, чьи показания звучат как страница из бульварного романа. Единственное, что я сделал по-человечески, — отпустил её под домашний арест, вместо того чтобы держать в камере до выяснения. Это, к вашему сведению, было моё личное решение, а не требование закона.

— Спасибо, — сказал Кирилл, и это прозвучало почти искренне.

— Не благодарите. Я сделал это не ради вас и не ради неё, а потому что дело слишком сырое, чтобы портить его поспешностью. Но если выяснится, что она связана со взлом-

щиком, домашний арест превратится в предварительное заключение, и никакая московская корочка этого не остановит.

Он посмотрел на Кирилла в упор, будто ставил точку, после которой разговор должен был закончиться.

— Вы прилетели навестить сестру, капитан. Навестите. И постарайтесь, чтобы на этом ваше участие в деле закончилось.

Кирилл кивнул, ничего не пообещав, и подумал, что это, пожалуй, самое честное, что он мог сейчас сделать.

-А о попытке ограбления, вы можете рассказать? - Вежливо спросил Кирилл

Конте посмотрел на него с примесью недоумения и возмущения.

- Сеньор Ост..., - начал Конте.

-Прошу вас, пожалуйста.

* * *

Марко достал из папки распечатку и положил на стол между ними, разворачивая изображением к Кириллу, как будто выкладывал козырь.

Зернистое чёрно-белое фото: коридор с матовым освещением, дверь сейфового зала, у замка тёмная фигура в куртке с капюшоном. Лица не видно, только силуэт, склонивший-

ся к панели, и в руке что-то вытянутое, похожее на отмычку промышленного образца.

— Камера у входа в хранилище, три сорок семь ночи, — сказал Марко. — Больше ничего не разобрать. Куртка, рост средний, телосложение обычное. Мог быть кто угодно.

Кирилл всмотрелся в зерно снимка, пытаясь вытянуть из него хоть какую-то деталь — походку, привычку держать плечи, что угодно, что говорило бы о человеке больше, чем о тени. Ничего не вытягивалось. Просто фигура, аккуратно вписанная в кадр так, будто знала, где стоит объектив.

— Сигнализация сработала раньше, чем он закончил, — продолжил Марко. — Судя по логам, он не успел даже подобрать код на внешней панели, только начал работать с замком. Спугнули.

— Поймали?

— Ушёл через служебный выход для инкассаторов. Дверь открывается изнутри без ключа, аварийный механизм. Пока патруль доехал, там было пусто, как в церкви в понедельник.

Кирилл кивнул, ничего не сказав. История складывалась ровно, слишком ровно для его вкуса: человек знает про ячейку, знает про выход, не знает кода. На следующий день — женщина, которая знает код, но, по её словам, знать не может. Два куска головоломки, которые не совпадали по форме, и Марко, похоже, пытался всё равно вбить их друг в друга силой.

— Что-нибудь из показаний сестры совпадает с этим? —

спросил он. — Время, маршрут, что-то материальное?

— Ничего, — сказал Марко почти с удовольствием, будто ждал этого вопроса. — Она клянётся, что впервые слышит о ночном взломе. Узнала о нём от меня, во время допроса, и, судя по её лицу, узнала с искренним изумлением. Я двадцать лет смотрю на людей через стол, капитан. Изумление подделать трудно.

— Но?

— Но это не отменяет совпадения с кодом.

Марко полистал папку, нашёл нужный лист, разгладил его ладонью — жест человека, привыкшего обращаться с бумагой как с уликой, а не как с формальностью.

— Вот протокол. Читаю дословно.

Он начал читать по-итальянски, потом, взглянув на Кирилла, перешёл на неровный, но вполне рабочий английский, экономя фразы:

— Вопрос: откуда вам известно слово «Бамто» как код доступа к ячейке номер такой-то? Ответ подозреваемой: я не знаю точно. Я его увидела. Вопрос: увидели где? Ответ: не могу объяснить. Мне показалось. Как будто вспомнила то, чего не было. Вопрос: вы утверждаете, что видели видение? Ответ: молчание.

Марко закрыл папку.

— Дальше она просто замолчала. Минут пять сидела, глядя в стол, и не произнесла ни слова. Адвокат, которого ей выделили по требованию консульства, попытался вмешать-

ся, я сделал перерыв. После перерыва она повторила то же самое: увидела, показалось, не могу объяснить.

— Она путалась в показаниях, — сказал он вслух, ровным голосом, — или просто не находила слов?

— Есть разница? — усмехнулся Марко невесело. — В протоколе это выглядит одинаково. Женщина, которая произносит код от закрытого сто лет сейфа и не может объяснить откуда она его знает. С точки зрения следствия есть две версии, капитан, и обе рабочие. Первая: она сообщница, знала о планах взломщика заранее, а «видение» — заготовленная легенда на случай провала. Вторая: она знает больше, чем говорит, и по каким-то причинам — семейным, личным, каким угодно — предпочитает молчать, чем объяснять правду.

— Есть третья, — сказал Кирилл.

— Слушаю с интересом.

— Она сказала правду, а правда просто не укладывается в протокол.

Марко посмотрел на него долгим взглядом, в котором читалось не столько несогласие, сколько усталое терпение человека, который слышал подобные фразы от адвокатов чаще, чем хотел бы.

* * *

Кирилл сложил руки на груди, глядя на закрытую папку так, будто в ней содержался ответ, который Марко просто не хотел произносить вслух.

— Она пианистка, — сказал он. — Гастролирует по Ев-

ропе с оркестром, три концерта в неделю, отель, сцена, снова отель. Ни счетов в оффшорах, ни знакомых с уголовным прошлым, ни долгов. Какой у неё мотив лезть в чужой сейф, Марко? Продать раритетную брошь на блошином рынке и купить новый рояль?

— Мотив — не моя забота, капитан. — Марко произнёс это без малейшего раздражения, скорее с усталостью человека, который объясняет очевидное в сотый раз. — Моя забота — факты. А факты такие: женщина приходит в закрытый частный банк, спрашивает про ячейку, которую никто не открывал сто лет, и называет код. Не приблизительно. Точно. Через сутки после того, как этот же сейф пытались вскрыть отмычкой. Совпадение бывает один раз. Два — это уже система.

— Тогда покажите мне систему, — сказал Кирилл. — Потому что я вижу дыру размером с Колизей.

Он взял папку, которую Марко не спешил забирать обратно, и открыл на нужной странице, хотя цифры там уже держал в голове с той секунды, как их прочитал.

— Приём у банкира, — сказал он, ведя пальцем по строке, будто впервые видел эти слова. — Вечер понедельника. Взлом ячейки — ночь со вторника на среду. Меньше суток между тем, как сестра впервые услышала это слово на приёме, и тем, как кто-то пришёл вскрывать именно эту ячейку. Вы всерьёз считаете, что случайный домушник за один вечер узнал про сейф, который сто лет не трогали, вычислил его

расположение и подготовил инструмент? Это не грабитель, Марко. Это человек, который знал заранее.

Марко забрал папку из его рук резче, чем требовалось, захлопнул и постучал по обложке костяшками пальцев, словно припечатывая тему.

— Совпадения случаются, капитан Ост.

Разговор начал скатываться туда, куда Кирилл предпочёл бы его не пускать, но остановить это было уже поздно.

— Я здесь неофициально, — сказал он, стараясь держать голос ровным, хотя внутри что-то натягивалось, как трос. — Но я пять лет расследую кражи и знаю разницу между совпадением и подготовленным сценарием.

— Вы здесь гость, капитан. — Марко произнёс это тихо, но каждое слово легло отдельно, как камень на камень. — Без юрисдикции, без полномочий, без права на доступ к делу, которое я вам показал исключительно по вежливости, потому что вы летели через полконтинента ради сестры. Совет: возвращайтесь в отель, ждите, пока адвокат оформит документы, и не превращайте личное сочувствие в расследование. Здесь Италия, а не Москва. Здесь вмешательство иностранного полицейского в дело о банковской ячейке — это международный скандал, а не жест братской любви.

Он не повышал тона, и от этого слова звучали тяжелее, чем если бы он кричал.

Кирилл смотрел на него и думал, что итальянец, в сущности, прав в каждой отдельной фразе и совершенно не прав

в целом, и что объяснить эту разницу сейчас бессмысленно, потому что Марко слышал не аргумент, а угрозу своему делу. Спорить дальше значило испортить единственный канал связи с человеком, который знал больше, чем говорил, и мог, при должном терпении, сказать ещё.

— Хорошо, — сказал он вслух, ровно, без нажима. — Ваше дело, ваши правила.

Марко чуть прищурился, будто не поверил в такую быструю капитуляцию, но кивнул и сунул папку под мышку.

Кирилл вышел на улицу, где солнце давило на брусчатку с той безжалостной итальянской щедростью, которая в Москве в это время года была бы немыслима, и достал телефон, чтобы вызвать такси до отеля, где держали сестру.

Он не спорил дальше не потому, что согласился. Он отложил спор про запас — как откладывают монету, которая ещё пригодится, — и удержал в памяти одну цифру, которую Марко не заметил или не захотел заметить: меньше суток между приёмом и взломом. Слишком быстро для случайного вора и слишком точно для совпадения. Кто-то знал про сейф раньше Софии. И этот кто-то не сидел сейчас под домашним арестом.

* * *

Марко догнал его у самого выхода, там, где вертящаяся дверь выплёвывала прохладу вестибюля в раскалённую духоту улицы. Кирилл не сразу понял, что итальянец идёт следом, а не просто вышел покурить, — движение было слиш-

ком целенаправленным, слишком деловым для человека, который пять минут назад закончил разговор.

— Капитан Ост. — Марко произнёс это, как будто ставил печать. — Хочу, чтобы вы услышали это от меня, а не из газет.

Он говорил сухо, глядя не на Кирилла, а куда-то в точку над его плечом, будто зачитывал протокол перед видеокамерой.

— Прокуратура согласилась на домашний арест до выяснения обстоятельств. Прямых улик недостаточно для содержания под стражей: отпечатки на сейфе принадлежат прежнему сотруднику банка, следы взлома датируются раньше её визита. Паспорт изъят. Передвижение ограничено адресом отеля, где она проживает. Явка по первому требованию.

Он произнёс это тоном человека, который читает вслух не потому, что хочет, а потому что положено, — и Кирилл понял: за этой сухостью прячется скорее облегчение самого Марко, чем его снисходительность. Прокуратура сама решила не рисковать делом без улик, а не он проявил доброту.

— Спасибо, — сказал Кирилл. Слово прозвучало короче, чем он рассчитывал, и он тут же добавил, чтобы не выглядело слишком благодарным: — Разумная мера.

— Это не любезность. — Марко наконец посмотрел ему в глаза, и в этом взгляде было что-то от предупреждения, произнесённого заранее, чтобы потом не пришлось повторять. — Если всплывёт хотя бы намёк на связь между вашей сест-

рой и человеком, который вскрывал сейф ночью, домашний арест превратится в предварительное заключение, и на этот раз никто не станет слушать про видения и портреты. Это касается и вас, капитан. Если решите поиграть в детектива за спиной следствия — я узнаю, и разговор у нас будет уже не такой вежливый.

Слово «вежливый» он произнёс с определенной горечью, будто вспомнил, сколько вежливости уже потратил сегодня сверх нормы.

Кирилл кивнул. Внутри что-то отпустило — не до конца, скорее с той осторожностью, с какой отпускают вожжи, когда лошадь ещё может понести, — но лицо он держал ровно, привычно, как держал его всякий раз, когда позволял себе почувствовать облегчение только после того, как убеждался, что показывать его пока рано.

— Я понял вас, — сказал он. — Я могу ее увидеть? Поехать к ней в отель?

— Да, конечно. — Марко достал сигарету, не закурил, покрутил в пальцах, как будто решал, стоит ли вообще. —Адвокат передаст вам документы вечером. До этого — ничего.

Пауза после этих слов длилась ровно столько, сколько нужно было, чтобы Кирилл понял: разговор окончен не потому, что сказано всё нужное, а потому что Марко решил, что сказано достаточно.

— Ещё одно, капитан. — Он всё-таки прикурил, щёлкнул зажигалкой, и дым тут же смешался с раскалённым воздухом

улицы, стал неотличим от него. — Здесь работаю я. Вы — просто брат, и чем скорее вы его примете, тем меньше проблем у нас обоих будет.

Он не стал ждать ответа, повернулся и пошёл обратно к дверям, туда, где прохлада вестибюля снова проглотила его фигуру, оставив Кирилла одного на брусчатке, под солнцем, которое здесь, кажется, не собиралось щадить никого — ни местных, ни варягов.

Кирилл достал телефон, открыл заметку с адресом отеля, который ему продиктовал по телефону смятый, взволнованный голос сестры ещё до вылета из Шереметьево, — три строки, набросанные наспех в самолёте, между кофе и турбулентностью. Он перечитал их дважды, хотя запомнил с первого раза, просто чтобы дать рукам занятие, пока голова разбиралась с тем, что только что услышала.

«Здесь работаю я. Вы — просто брат». Формулировка была честная и от этого особенно неприятная: Марко не грозил, не пугал, он просто расставлял мебель в комнате так, как ему было удобно, и Кириллу предлагалось сидеть на указанном стуле. Это было надолго. Возможно, на все дни, которые он собирался провести в этом городе.

Но была ещё одна вещь, которую он унёс с собой из разговора, важнее любой расстановки сил, — цифра, вернее, разница в цифрах: взлом случился раньше визита Софии в банк. Значит, кто-то знал про ячейку и её содержимое ещё до того, как сестра впервые увидела портрет баронессы и услы-

шала внутри себя чужое слово. Это переворачивало всё, что он успел сложить в голове за последние два часа: не София привела кого-то к сейфу своим видением, а кто-то уже шёл к этому сейфу своим путём — и путь этот начался раньше, чем начался её.

Прежде чем снова спрашивать Марко, прежде чем строить любые версии, ему нужно было услышать её собственную историю — не протокольную, не пересказанную чужими сухими фразами, а такую, какой она была на самом деле, в её словах, с её паузами там, где она сама не понимала, что произошло.

Он убрал телефон в карман и пошёл искать такси, щурясь на солнце, которое, кажется, решило проверить его на прочность с первого же дня.

Глава 3. Портрет баронессы

Отель, где держали Софию, оказался из тех, что называют себя бутик-отелями, а на самом деле просто маленькие и дорогие: три этажа охристого камня, лифт на одного человека и портье, который смотрел на постояльцев так, будто оценивал их по каталогу антиквариата. Карабинер сидел на стуле у двери номера, положив фуражку на колени, и вид у него был такой, словно эта командировка — самое скучное, что случалось с ним за последний год.

Кирилл показал паспорт, потом визитку с должностью, которая здесь ничего не значила, и на всякий случай произнёс слово «фрателло» — брат, — единственное итальянское слово, в котором он был уверен на сто процентов. Карабинер долго крутил документы, сверял фотографию с лицом, наконец кивнул и посторонился, буркнув что-то насчёт пятнадцати минут.

Номер встретил его полумраком: плотная штора была задёрнута, хотя за ней стоял полдень, и от этого комната казалась вырванной из времени суток, в котором жил весь остальной город. София сидела у окна, забравшись на кресло с ногами и завернувшись в плед, будто в номере было минус десять, а не двадцать восемь под жарким итальянским солнцем. Волосы её были собраны небрежно, кое-как, и лицо было того особого бледного оттенка, который Кирилл видел

раньше только у свидетелей, впервые побывавших на месте убийства, — не от страха физического, а от ощущения, что мир вокруг перестал вести себя предсказуемо.

Она увидела его не сразу — сперва скользнула взглядом мимо, как по пустому месту, потом вздрогнула, будто сфокусировалась, и вскочила с кресла так резко, что плед соскользнул на пол.

— Кир. — Голос был тонкий, надтреснутый посередине слова. Она бросилась к нему и обхватила руками так, как обхватывала в детстве, когда боялась темноты или грозы, — вцепившись, всем телом, будто он был последним устойчивым предметом в комнате. — Я не понимаю, что случилось. Я вообще не понимаю, что со мной случилось.

Кирилл обнял её одной рукой, свободной похлопал по спине — не порывисто, а размеренно, как успокаивают ребёнка или пьяного свидетеля, чтобы тот перестал плакать и начал говорить связно.

— Тихо, — сказал он. — Я здесь. Дыши.

— Они думают, что я хотела украсть. — Она отстранилась, всё ещё держась за его локти, и глаза у неё были красные, но сухие: похоже, плакать она уже устала. — Я даже не знала, что там за дверью с сейфами. Я просто... я увидела руки. Не свои руки, Кир, чужие. И цифры. И я подумала, что если я это скажу, меня посчитают либо лгуньей, либо больной.

— Я не карабинер, — сказал он, усадив её обратно в крес-

ло и присев на подлокотник, — я твой брат, который сорвался в Рим и теперь по местным законам не имею права даже спросить у полиции, какой сегодня день недели. Так что говори мне то же самое, что видела ты, а не то, что сойдёт для протокола.

Она посмотрела на него долго, изучающе, словно проверяла, не притворяется ли он, и что-то в этом взгляде было настолько взрослое и настолько испуганное одновременно, что Кирилл на секунду забыл про профессиональную флегму и просто пожалел сестру — так, как жалеют человека, который случайно оказался внутри чужой истории, слишком большой для него.

— Марко мне не верит, — тихо сказала она. — Он вежливый, но по глазам видно: думает, что я или сообщница, или сумасшедшая, а третьего варианта у него в голове нет.

— Ты рассказывала это ему так же, как расскажешь мне?

— Почти. — Она обхватила колени руками, снова похожая на подростка, которого поймали на чём-то, чего он сам не понимал. — Только ему я не сказала одну вещь. Про голос. Про то чужое женское имя. Побоялась, что он решит — что я точно псих.

Кирилл кивнул медленно, отметив про себя это «не сказала одну вещь» — маленькую трещину в протоколе, которая теперь была только его.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда мне расскажешь всё, начиная с самого начала. С раута у баронессы. С рояля. С

портрета. Ничего не пропускай, даже если тебе кажется, что это неважно или звучит глупо — про голос, про имя, про всё.

Она набрала воздуха, как перед прыжком в холодную воду, и на мгновение стала похожа на ту сестру, какую он знал всю жизнь: взбалмошную, азартную, готовую влезть в любую авантюру ради хорошей истории, — только теперь эта авантюра случилась с ней сама, без спроса, и явно оказалась крупнее, чем она рассчитывала.

— Ладно, — сказала она. — С самого начала.

* * *

Она устроилась в кресле, подтянув под себя ноги, и начала рассказывать так, как будто снова переживала тот вечер, — с той же дотошностью, с которой описывала бы удачно сыгранный концерт: с деталями, порядком, интонацией.

— Дом баронессы, вернее, теперь уже банкирский, весь в позолоте, представляешь. Гостей человек сорок, все в вечернем, кто-то с бокалом, кто-то без. Меня попросили сыграть — я ведь всё равно там была по контракту с оркестром, ну и хозяин настоял, мол, гости хотят живой музыки, а не колонки. Я не спорила, мне даже приятно было. Рояль хороший, старый, «Бехштейн», звук ламповый такой, тёплый.

— И ты играла, — сказал Кирилл, не торопя её, только направляя, как направляют лодку по течению, чтобы не потеряла курс.

— Играла. Шопена сначала, потом что-то из Рахманинова попросили. И вот сижу я, играю, а прямо надо мной, над

роялем — портрет. Женщина, лет, наверное, двадцать пять на вид, платье такое старинное, начало века точно, не позже двадцатых. Глаза грустные, знаешь, такие, будто она уже знает, чем всё кончится, а сказать никому не может. Я всё смотрела на неё между пассажами. Глупость, конечно, отвлекаться на портрет во время выступления, но не смотреть не могла.

Кирилл слушал, привалившись плечом к стене у окна, и не перебивал: пусть говорит так, как помнит, без его подсказок, — на первом проходе важна не точность формулировок, а порядок, в котором всплывают детали.

— И вот в середине пьесы, — она замялась, будто снова примеряясь к тому, что случилось, — у меня темнеет в глазах. Не как обморок, по-другому. Как будто кто-то выключил свет в зале, а внутри головы включил другой. И я вижу руки. Не свои, Кир, женские, но не мои, я точно знаю, что это не мои руки, хотя вижу их так близко, будто они мои собственные. Пальцы тонкие, на одном кольцо, простое, без камня. И они закрывают дверцу. Металлическую, маленькую, вроде дверцы шкафчика.

— Сейфовая ячейка, — сказал он ровно.

— Теперь я понимаю, что это была она, да. А тогда я просто видела: дверца, и рука тянется к диску набора, и крутит его, медленно так, с остановками. Двенадцать. Потом пять. Четырнадцать. Двадцать девять. Три. Я даже не помню, вслух я это произнесла или нет, но цифры в голове звучали

именно в таком порядке, будто кто-то диктовал их мне на ухо.

Кирилл достал блокнот, не потому что боялся забыть, — эти цифры он и так запомнил намертво с первого раза, профессиональная память на числа въелась в него ещё со времён службы, — а потому что записывать было привычным жестом, помогавшим не смотреть на сестру слишком пристально, пока она рассказывала самое неудобное.

— Двенадцать, пять, четырнадцать, двадцать девять, три, — повторил он вслух. — Ты уверена в порядке?

— Абсолютно. Я потом ещё в такси эти цифры себе под нос твердила, как заклинание, боялась забыть.

— Дальше.

Она обхватила себя руками, будто ей стало холодно, хотя в номере было натоплено даже слишком.

— А дальше я услышала голос. Женский, молодой, я не видела, кто говорит, лица не было вообще, только руки и этот голос. И голос сказал одно слово. «Бамто».

— Бамто, — повторил Кирилл медленно, пробуя слово на вкус, как пробуют подозрительную еду. Оно ничего не значило ни на одном известном ему языке, и в этом была отдельная странность: не имя, не команда, не молитва, — что-то среднее, короткое и лишённое всякого смысла для постороннего уха.

— Именно так. Один раз, отчётливо, будто это пароль какой-то. И всё, темнота отступила, я снова в зале, руки на кла-

виатуре, а я играю не ту ноту, невпопад совсем, и чуть не падаю с банкетки. Хорошо, что рядом стоял столик, я успела опереться. Гости, кажется, решили, что мне стало дурно от духоты, кто-то подбежал с водой.

Она замолчала, будто досказала до конца, но Кирилл видел: не всё, есть ещё что-то в самом хвосте этой истории, застрявшее между зубов.

— И что ты почувствовала, когда очнулась? — спросил он тихо, тем голосом, каким обычно спрашивал свидетелей, чтобы они забыли, что перед ними полицейский, и вспомнили, что перед ними просто человек, который слушает.

— Стыд, — сказала она сразу же, без раздумий. — Не страх даже, а именно стыд, будто я подглядела что-то чужое, личное, не своё. И ещё... жалость. К этой женщине. К той, чьи руки я видела. Я не знаю почему, но мне казалось, что ей было очень плохо в тот момент, когда она закрывала эту дверцу. Не физически плохо. Хуже.

Кирилл записал последнюю фразу дословно, хотя знал, что в протокол Марко это не пойдёт никогда, — слишком похоже на то, чем можно оправдать диагноз, а не алиби.

* * *

— Кто стоял рядом, когда ты это сказала вслух? — спросил Кирилл, не отрывая взгляда от блокнота, хотя записывать было уже нечего. — На приёме или потом, в банке?

София задумалась, будто пыталась заново развернуть в памяти зал, гостей, свет люстр.

— Не знаю, Кир. В банке точно никого не было, кроме той девушки за стойкой и охранника, а они с меня глаз не сводили, но это потому что я нервничала, а не потому что я что-то сказала. А на приёме... — она махнула рукой, — там вокруг рояля человек десять стояло, может, пятнадцать. Я же не под протокол выступала, я не считала.

— И никто не отреагировал? Не переспросил, не удивился?

— Нет. — Она покачала головой так уверенно, что Кирилл поверил сразу же, без внутренней проверки на ложь, которую делал автоматически с любым свидетелем. — Все вежливо мне поаплодировали, кто-то сказал, что я бледная, принесли воды. Слово «Бамто» я, кажется, вообще одними губами произнесла, не громко. Может, никто и не услышал толком.

— Может, — согласился он, хотя внутри уже отметил: слово «может» — самое ненадёжное слово в русском языке, особенно в устах человека, который хочет, чтобы всё оказалось безобидным.

Она поёрзала на кровати, обхватила колени руками, и вдруг лицо у неё чуть просветлело, как будто нашлась зацепка получше.

— Слушай, а вот на этом же приёме я познакомилась с одним американцем. Алекс. Алекс Уайт, кажется у него какой-то обувной бизнес, он в Рим по делам приехал. Симпатичный такой, немного смешной. Он весь вечер меня рас-

спрашивал — про музыку, про то, откуда я, про семью нашу. Даже спросил, русские ли мы по крови, я говорю — да, а он так оживился, будто это ему важно почему-то.

— Спросил про семью, — повторил Кирилл ровно, без нажима, но уже отмечая себе галочку.

— Ну да. Не так, чтобы допрос устраивать, — она чуть улыбнулась, вспоминая, — скорее из вежливости.

— До видения это было или после?

— До. Мы с ним минут двадцать проболтали, потом меня позвали к роялю. — Она нахмурилась. — А после видения он тоже подошёл, воды принёс, спросил, что случилось. Обеспокоенный такой был.

Кирилл сделал пометку и решил пока не давить дальше, хотя внутренний счётчик подозреваемых уже принял в свой список первую строку. Обходительный американец с обувным бизнесом и внезапным интересом к русской родословной — не улика, а всего лишь совпадение, но совпадения он с детства не любил, они плохо пахли, как несвежая рыба на прилавке, которую пытаются продать под видом утреннего улова.

— А кто вообще устраивал этот вечер? Хозяин дома?

— Барон Грассо, — сказала она с той теплотой в голосе, какую обычно приберегают для приятных воспоминаний. — Эдуардо Грассо, банкир. Очень обходительный, ко всем гостям подходил лично, спрашивал, всё ли нравится, не нужно ли чего. Меня он тоже подошёл поблагодарить, когда я за-

кончила играть, сказал, что мне надо было выступить раньше, до того как мне стало дурно, а не после. Пошутил как-то так, необидно.

— Тот самый Грассо, чей банк потом пытались ограбить, — уточнил Кирилл, хотя уже знал ответ.

— Тот самый. — Она вдруг посмотрела на брата настороженно, будто только сейчас поняла, к чему он клонит. — Кир, ты же не думаешь, что он...

— Я пока ничего не думаю, — ответил он спокойно, тем тоном, каким обычно осаживал слишком резвых стажёров в отделе. — Я собираю факты. А факт в том, что человек, чей банк должны были ограбить дважды подряд, устроил приём накануне, на котором ты произнесла код от сейфа, который никто, кроме тебя, якобы не слышал. Совпадение, может быть. Но я предпочитаю проверять свои «может быть» лично.

София промолчала, только куталась в плед плотнее, будто холод шёл не от кондиционера, а откуда-то изнутри неё самой.

Кирилл закрыл блокнот и поднялся с продавленного кресла, чувствуя, как затекла спина от неудобной гостиничной мебели, рассчитанной на короткие переговоры, а не на долгие разговоры с сестрой под домашним арестом. За окном, сквозь тюль, дрожал вечерний Рим — теплый, равнодушный, освещённый так, будто ничего плохого здесь никогда не случалось и случиться не может.

— Мне нужно познакомиться с этим бароном, — сказал он, скорее самому себе, чем ей. — Вежливый хозяин, который лично обходит гостей и держит в своём же банке ячейку, которую пытались вскрыть дважды за неделю. Хочу посмотреть ему в глаза, когда он будет рассказывать, как всё это его удивило.

— Только осторожно, — сказала София неожиданно серьёзно, и в этой серьёзности было что-то совсем не похожее на её обычную взбалмошность. — Он мне понравился. Может, зря.

— Понравился, — повторил Кирилл, застёгивая куртку. — Вот именно поэтому я с ним и поговорю в первую очередь.

* * *

Такси везло его вдоль набережной, и Тибр за окном тёк тем же цветом, что и небо, — грязно-жёлтым, устало-вечерним, будто и река, и город одинаково не выспались за две тысячи лет своей истории. Кирилл достал блокнот, положил на колено и записал цифры так, как их произнесла София: 12 05 14 29 03. Потом ниже, отдельной строкой, слово «Бамто». Не пытался сразу подобрать к нему смысл — просто зафиксировал, как фиксируют улику до экспертизы, не трогая руками лишний раз.

Цифры не складывались ни в дату, ни в телефонный номер, ни в что-либо, отдалённо напоминающее банковский код в привычном понимании. Пять пар, если считать двузначными числами. Или одиннадцать цифр подряд, если не

считать. Он повертел их так и этак — профессиональная привычка не отпускать число, пока оно не признается, откуда взялось, — но признаваться цифры не спешили.

Он вытащил телефон и открыл фотографию протокола, которую Марко выдал ему без особой охоты, скорее чтобы отвязаться, чем по доброй воле. Ячейка номер девятнадцать семнадцать, банк Витоцци-Грассо, дата открытия — точнее, дата заведения дела на неё в архиве банка — тысяча девятьсот семнадцатый, последняя операция по документам — тысяча девятьсот восемнадцатый. Столетие с лишним пыли и тишины. И ни одной записи о том, что кто-то в неё заглядывал за эти сто лет.

Значит, подумал Кирилл, сестра назвала код от сейфа, который не открывали сто лет, стоя у чужого рояля и глядя на портрет женщины, которую видела впервые в жизни. И назвала его вслух, при гостях. И через сутки этот же сейф кто-то попытался вскрыть — причём раньше, чем она сама туда явилась с явкой с повинной у собственной головы.

Совпадения плохо пахли, он уже говорил об этом сестре и не собирался менять мнение по дороге в отель.

За окном проплыл жёлтый фасад с облупившейся лепниной, и Кирилл поймал себя на том, что думает не про цифры, а про женщину с портрета. Кто-то же заказывал этот портрет, кто-то позировал, кто-то потом полтора века передавал его по наследству, вешал в имении, показывал гостям как декорацию для приёмов. В старом Риме, да и во всей старой

Италии, память устроена аккуратнее, чем в Москве, — здесь фамилии не теряются, здесь дом помнит, кто в нём танцевал в тысяча девятьсот двадцатом. Кто-то должен знать эту женщину. Не по портрету — по имени, по судьбе, по тому, зачем она заперла шкатулку и сказала слово, которое сто лет спустя вырвалось изо рта его сестры, будто застряло в воздухе комнаты и ждало своего часа.

Он отметил для себя две вещи, которые стоило проверить в первую очередь. Первое — личность женщины на портрете: чей это дом, кто там жил, кому принадлежала до банкира усадьба, где стоял тот рояль. Второе — сам банкир. Обходительный хозяин вечера, который лично подходит к каждому гостю с вопросом, всё ли нравится, и чей банк через сутки пытаются ограбить. Слишком удобное совпадение для человека, который зарабатывает деньги на репутации фамильной надёжности векового банка.

Марко про видение он рассказывать не собирался. Не потому что не доверял — просто прекрасно понимал, как это прозвучит в протоколе итальянской карабинерии: подозреваемая слышала голоса, видела руки, произнесла код неизвестного происхождения во время игры на рояле. Через две строчки такой текст плавно перетекает в направление на психиатрическую экспертизу, а не в план розыскных мероприятий. У Марко и так хватало оснований считать Софию либо сообщницей, либо неуравновешенной девицей, начитавшейся готических романов, — не хватало ещё подкидывать ему

официальный повод для третьего варианта, самого удобного для закрытия дела.

Кирилл умел молчать о том, что не поддавалось протоколу.

Он убрал блокнот и посмотрел в окно на приближающийся квартал — узкие улицы, высокие ставни, вывеска банка в глубине двора, тёмная бронза букв на камне, выцветшая ровно настолько, чтобы выглядеть надёжно, а не запущенно. Витоцци-Грассо. Двойная фамилия, как двойное дно.

Достал телефон и набрал номер, который выпросил у сестры вместе с прочими подробностями вечера. Гудки шли долго, будто на том конце сначала сверялись, кто звонит, и лишь потом решали, отвечать ли.

— Слушаю, — ответил мужской голос, вежливый и чуть усталый, с той специфической мягкостью, которую нарабатывают люди, всю жизнь имеющие дело с чужими деньгами.

— Барон Грассо? Меня зовут Кирилл Ост, я брат Софии Ост, — сказал он по-английски, ровно, без предисловий. — Хотел бы с вами встретиться. Не как полицейский — как частное лицо, обеспокоенное судьбой сестры.

Пауза на том конце длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы не показаться ни слишком поспешным, ни подозрительно медлительным.

— Конечно, — ответил банкир наконец, и в голосе прозвучало ровно столько тепла, сколько полагается по протоколу вежливости. — Буду рад помочь бедной девушке. При-

езжайте в банк завтра к одиннадцати, синьор Ост. Обсудим всё, что вас беспокоит.

Кирилл поблагодарил, отключился и ещё немного посмотрел на экран, будто там, среди высветившихся цифр звонка, могла обнаружиться подсказка получше той, что лежала у него в блокноте.

Одиннадцать часов, значит. Время, чтобы посмотреть человеку в глаза и послушать, как гладко он будет рассказывать о собственном разорённом сейфе.

* * *

Кабинет барона Грассо выглядел так, как выглядят кабинеты людей, привыкших, чтобы их принимали всерьёз ещё до того, как они произнесут первое слово: тёмное дерево, тяжёлые портьеры цвета бордо, письменный стол, на котором не лежало ничего лишнего — только чернильный прибор из позапрошлого века и телефон, слишком современный, чтобы гармонировать с остальным.

Сам барон поднялся навстречу раньше, чем секретарша успела договорить фразу о приходе гостя. Невысокий, аккуратный, с той европейской гладкостью, что достигается годами хороших портных и ещё большим числом лет хорошего воспитания. Рукопожатие — крепкое, ровно настолько, чтобы не показаться ни робким, ни самоуверенным.

— Синьор Ост. — Он указал на кресло у стола, сам сел напротив, не за стол, а рядом, будто подчёркивал: разговор не деловой, разговор человеческий. — Мне искренне жаль,

что вам пришлось лететь через полконтинента из-за этого недоразумения. Ваша сестра — очаровательная девушка, чудесно играет, весь вечер только о ней и говорили. Поверьте, я всей душой надеюсь, что карабинерия разберётся во всём быстро и справедливо.

— Надеюсь тоже, — сказал Кирилл, устраиваясь в кресле с тем спокойствием, за которым обычно прятал желание задавать вопросы напрямую. — Хотя мне непросто понять, синьор Грассо, как случилось, что ячейка, которую не открывали сто лет, вдруг оказалась объектом внимания сразу двух человек за одни сутки.

Барон вздохнул, аккуратно, будто и сам был этим озадачен не меньше гостя.

— Понимаю ваше недоумение. Ячейка принадлежала баронессе Софии Витоцци, вдове моего дяди. — Он произнёс это имя с почтением, каким называют дальнюю, уважаемую родственницу. — После её смерти никто не подавал заявок на доступ. Никаких наследников, документы устарели, код утерян. Она просто стояла — почти музейный экспонат в подвале, если хотите. Мы, признаться, и забыли о её существовании, пока не случился этот... инцидент.

— Вы её знали? Баронессу?

— Лично — нет, я был мальчишкой, когда она умерла. Но её портрет висит у меня в усадьбе, в галерее, рядом с портретом дяди. Собственно, это тот самый портрет, у которого играла ваша сестра на приёме.

Кирилл кивнул, ничем не выдав, что именно этот портрет интересовал его больше всего остального разговора.

— И всё же, синьор Грассо, ячейка стояла сто лет нетронутой, а вскрыть её попытались именно сейчас. Совпадение?

— Ах, если бы вы знали, синьор Ост, какие времена переживает наш банк. — Барон впервые за разговор позволил себе тень усталости в голосе, будто это признание стоило ему некоторого усилия. — Старые семейные дома вроде нашего сейчас непросто удержать на плаву. Приходится наводить порядок в старых делах, разбирать архивы, инвентаризировать активы, которые десятилетиями лежали без движения. Быть может, кто-то из посторонних узнал о переучёте и решил, что сейф — лёгкая добыча. Увы, в нашем деле секреты хранятся хуже, чем хотелось бы.

Он произнёс это легко, почти между делом, как человек, жалующийся на протекающую крышу, — но Кирилл отметил про себя эту фразу, спрятал её так же аккуратно, как барон, вероятно, полагал, что спрятал сам факт затруднений банка.

— На приёме, где играла моя сестра, — сказал он, меняя направление, — вы были хозяином вечера?

— Разумеется. Список гостей составлял лично, приглашения рассылал через секретаря, но утверждал каждое имя сам. Люблю, знаете, знать, кто сидит за моим столом. — Барон улыбнулся почти по-отечески. — Была ваша сестра, синьор Ланди, наш антиквар, консультирующий музей, был

молодой американец, мистер Уайт, приятный юноша, приехал по делам обувной компании — кажется, унаследовал бизнес от деда. Общество небольшое, но живое.

— Мистер Уайт интересовался чем-то конкретным на вечере?

— Насколько помню — только вашей сестрой. — Барон снова улыбнулся, на этот раз чуть шире, с оттенком светской иронии. — Молодость, синьор Ост. Простительная слабость.

Кирилл позволил себе короткую паузу, будто взвешивал услышанное, хотя на самом деле просто наблюдал за лицом собеседника — ровным, приветливым, ни одна морщина не дрогнула сверх меры.

— Я хотел бы взглянуть на само хранилище, — сказал он наконец. — Неофициально. Понимаю, что это не в моей юрисдикции, но мне важно составить собственное представление о случившемся — ради сестры.

Барон на мгновение сцепил пальцы, будто взвешивая просьбу, хотя, кажется, решение принял ещё до того, как Кирилл договорил.

— Разумеется, синьор Ост. Приходите завтра, я распоряжусь, чтобы вам всё показали и рассказали, но все-таки в присутствии полиции, сами понимаете... Наш банк дорожит репутацией дома, где к клиентам — даже к покойным баронессам — относятся с уважением. Полное содействие я вам обещаю.

Он произнёс это тепло, с той же безукоризненной вежли-

востью, с какой встретил гостя у двери, и Кирилл, поднимаясь и пожимая протянутую руку, подумал, что человек либо действительно ни при чём, либо оттачивал эту любезность годами именно для таких разговоров.

* * *

Из банка Кирилл вышел, когда небо над Римом уже переходило из синего в фиолетовый, а фасады старых палаццо по обе стороны улицы зажигались тем особым медовым светом, который бывает только в этом городе, — будто камень столетиями копил тепло дня, чтобы отдать его вечером обратно. Мимо прошла пара туристов, спорящих над картой на телефоне, где-то в конце квартала кто-то закрывал ставни лавки, и весь этот обыденный шум показался Кириллу неуместно мирным после разговора, который он только что провёл.

Он спустился по ступеням, застегнул пиджак — вечера в Риме в это время года прохладнее, чем ожидаешь, — и достал телефон. Марко ответил после третьего гудка, коротко, будто ждал звонка и заранее решил, сколько времени на него потратит.

— Слушаю.

— Это капитан Ост. Я был у Грассо, — сказал Кирилл, не тратя время на приветствия. — Он согласен показать мне хранилище. Но говорит — только в присутствии полиции. Формальность, которую он лично изобрёл, полагаю, чтобы не выглядеть чересчур сговорчивым.

На том конце помолчали, и в этой паузе не было прежней

враждебности, скорее усталость человека, который весь день разбирал бумаги и меньше всего хотел ещё одну встречу.

— Разумно с его стороны, — сказал наконец Марко. — Хранилище — вещественное доказательство, синьор Ост. Я не могу пустить туда постороннего без протокола, даже если этот посторонний — родной брат обвиняемой. Особенно если это родной брат обвиняемой.

— Понимаю.

— Завтра в девять. Я подъеду сам.

— Договорились.

Марко отключился первым, без прощания, — это видимо тоже была часть его манеры. Но в самом факте, что следователь согласился так быстро, без препирательств, без напоминания о юрисдикции и о том, кто здесь чужак, было что-то новое. Может быть, простая усталость. А может — тот минимальный кредит доверия, который выдают не потому, что верят человеку, а потому, что он пока не сделал ничего, что этот кредит бы обнулило.

Кирилл сунул телефон в карман и медленно пошёл вдоль решётки, за которой темнел двор банка — тот самый двор с апельсиновым деревом, которое, по словам барона, посадил ещё дед. Ветер шевелил листья, и в сгущающихся сумерках дерево казалось декорацией из другого времени, случайно забытой на нынешней сцене.

Он остановился у фонарного столба, поднял взгляд на верхние этажи банка, где за плотными шторами угадывал-

ся свет одного кабинета — вероятно, того самого, где барон только что вежливо провожал его до двери. Версий можно построить сколько угодно, подумал Кирилл, и все они будут красивы, логичны и, скорее всего, неверны, потому что ни одна не опирается на то единственное, что имеет значение в его ремесле, — на вещь, увиденную своими глазами, а не услышанную из третьих уст. Он привык не доверять пересказам ещё в московском отделе, где показания меняли форму от кабинета к кабинету, обрастая деталями, которых не было в исходном рассказе, или, наоборот, теряя те, что мешали складной версии. Здесь, в Риме, это правило работало ничуть не хуже.

Значит, до завтрашнего утра — никаких выводов. Только факты, которые можно потрогать: журнал доступа, замок, сама ячейка, то, что осталось от неё после чужой попытки взлома.

Он поднял руку, и почти сразу у тротуара притормозило такси — жёлто-белое, с потёртым сиденьем и запахом освежителя воздуха, слишком настойчиво пахнущим лавандой. Кирилл сел, назвал адрес отеля и откинулся на спинку, глядя, как за окном проплывают освещённые витрины и обшарпанные, но всё равно величественные фасады.

Была ещё одна вещь, которую он держал при себе весь день, не произнося вслух ни разу, — код, который София назвала на допросе, тот самый ряд цифр, услышанный ею в видении. Двенадцать, ноль пять, четырнадцать, двадцать де-

вять, ноль три. Марко о нём не знал. Кирилл уже прокрутил эти цифры в голове десяток раз, примеряя их то к датам, то к чему-то ещё, чего пока не мог назвать. Пока это оставалось его собственной картой, которую не стоило выкладывать на стол раньше времени — ни перед следователем, чья лояльность всё ещё держится на волоске приличий, ни тем более перед банкиром с его безукоризненной улыбкой.

Такси свернуло на набережную, где вечерний свет ложился на воду желтоватыми полосами, и Кирилл, глядя на это, подумал, что завтра утром, войдя в хранилище, он наконец сможет проверить не чужие слова, а собственные глаза. Всё остальное подождёт до этого момента.

Глава 4. Ячейка №1917

Без двух минут девять они уже стояли перед банком.

— Вы всегда так пунктуальны? — спросил он, не глядя на Кирилла.

— Только когда речь о хранилищах.

Марко хмыкнул, не то одобрительно, не то с раздражением, и в этот момент двери банка открылись — минута в минуту, будто внутри тоже держали хронометраж. Их встретил невысокий человек в тёмном костюме, представившийся начальником службы безопасности, синьором Феррари — совпадение с автомобильной маркой он, судя по интонации, отшучивался не в первый раз. Пожатие у него было сухим и коротким, взгляд — цепким, привычным считывать посетителей быстро и без сантиментов.

— Прошу за мной, — сказал он по-итальянски, и Марко перевёл без просьбы, коротко, будто делал одолжение.

Они спустились по узкой лестнице, потом ещё ниже, туда, где воздух менялся: сначала запах отполированного дерева и старой бумаги наверху, а здесь, внизу, — металл и машинное масло, смешанные с чем-то стерильным, похожим на озон после короткого замыкания. Хранилище оказалось меньше, чем Кирилл представлял по фильмам, — не гулкий зал с рядами сейфов, а тесный, обшитый сталью коридор, где ячейки шли в четыре яруса, пронумерованные латунными

табличками, потемневшими от времени.

— Здесь, — Феррари остановился у одной из них, на уровне пояса, с номером, выбитым так глубоко, что цифры казались вросшими в металл. Лента ограждения ещё висела косо, оторванная с одного края, — видимо, вчера её снимали и не потрудились закрепить заново.

Кирилл присел на корточки, не касаясь ничего руками, и первым делом посмотрел на замочную пластину. То, что он увидел, заставило его задержать дыхание на секунду дольше обычного.

Царапины вокруг скважины шли ровно, почти параллельно друг другу, без единого срыва, будто их наносили под линейку, а не выцарапывали второпях трясущейся рукой. Ни одной лишней задиры, ни следа отвёртки, соскользнувшей мимо цели. Работа была чистой — той чистотой, которая в его практике всегда означала одно: человек знал, что делает, и делал это не в первый раз.

— Марко, — сказал он тихо, — взгляните.

Следователь наклонился, всмотрелся, пожевал губами.

— И что вы здесь видите?

— Хирурга, — ответил Кирилл. — Не грабителя, который лупит по замку монтировкой в панике. Тут работал человек с набором, специально заточенным под этот тип замков. Возможно, отмычки на заказ. Возможно — знание конкретно этой модели.

— София тоже могла принести отмычки, — заметил Мар-

ко без особой убеждённости, скорее по инерции спора, который вёл с ним с первого дня.

— София — пианистка, а не слесарь, — Кирилл выпрямился, отряхнул колено, хотя пыли на нём не было. — И потом, ведь взлом случился не когда её задержали. Кто-то вскрывал эту дверцу за сутки до неё. Помните запись?

Марко промолчал, что само по себе было ответом.

К ним подошёл техник — молодой, в очках, с бейджем банка на груди, явно нервничавший от присутствия карабинера. Феррари что-то сказал ему по-итальянски, коротко, тоном приказа, и техник защёлкал по планшету, вывел на экран график.

— Сигнализация, — перевёл Марко, слушая параллельно, — сработала с задержкой. Тридцать восемь секунд.

— Это много? — спросил Кирилл, хотя уже знал ответ по тому, как напрягся сам техник.

— Для системы такого класса — да, — техник заговорил быстрее, путая итальянский с обрывками английского, будто оправдывался. — Она новая, цифровая, реагирует на вибрацию почти мгновенно. Обычно задержка — доли секунды. Тридцать восемь — это... это странно. Как будто сигнал сначала пошёл не туда.

— Не туда — куда? — Кирилл прищурился.

Техник развёл руками, признавая, что дальше этого объяснения у него нет.

— Возможно, сбой, — сказал он. — Система старая в паре

узлов, обновляли частично. Бывает.

Марко кивнул, будто вопрос был закрыт, достал блокнот и черкнул несколько слов — Кирилл успел разобрать не столько текст, сколько позу, с которой это писалось: без нажима, без особого внимания, как фиксируют формальность для протокола, а не находку. «Техническая неполадка системы, требует проверки службой обслуживания» — примерно так, если угадывать по разлёту почерка.

Кирилл не стал спорить. Не здесь и не с этим человеком, который явно предпочитал версии, не требующие лишней бумажной волокиты. Но тридцать восемь секунд задержки в системе, которая должна была реагировать мгновенно, — это была не накладка, это была дыра, через которую кто-то прошёл и знал, что пройдёт. Такие вещи не случаются сами по себе в банках, где сигнализация обновлена и стоит, по всей видимости, немалых денег.

Он промолчал, убрал руки в карманы пальто и ещё раз обвёл взглядом хранилище — тесное, стальное, пахнущее машинным маслом и чем-то ещё, чему пока не находилось названия, кроме одного слова, вертевшегося на языке: подготовка.

* * *

Охранник, которого Феррари так и не назвал по имени, сидел перед монитором в закутке за хранилищем — комнатке без окон, где пахло кофе из автомата и чем-то кисловатым, вроде старой бумаги. Марко наклонился к нему через

плечо и произнёс что-то короткое; охранник кивнул и защёлкал мышью, отматывая запись назад.

— Скажите ему, за сутки до задержания Софии, — сказал Кирилл. — Не за час. За сутки.

Марко перевёл. Охранник прищурился на таймкод, набрал дату вручную, и картинка дёрнулась, сменившись зернистым коридором хранилища, снятым сверху, с фиксированной точки над дверью. Свет в кадре был тусклый, аварийный, — очевидно, ночной режим.

— Вот, — произнёс охранник по-английски, неожиданно чисто, и постучал пальцем по экрану.

На записи по коридору между рядами ячеек двигалась фигура. Капюшон тёмной куртки был надвинут низко, лица не разобрать — камера стояла под таким углом, что улавливала только макушку и плечи, да ещё то, как человек держал руки: спокойно, без суеты, будто прогуливался по собственной квартире. Двенадцать секунд, Кирилл после сверил по таймкоду. Ровно двенадцать, с точностью, которая сама по себе была информацией — человек знал, сколько времени у него есть до следующего обхода или до того, как камера моргнёт на соседний сектор.

— Прокрутите ещё раз, — попросил Кирилл. — Медленнее.

Марко перевёл, охранник послушно вернул плёнку и запустил в четверть скорости. Теперь можно было разглядеть больше: перчатки, тонкие, кожаные, не рабочие рукавицы

взломщика из фильма, а что-то похожее на те, в которых водят дорогую машину или держат бокал на приёме. Фигура остановилась у одной из секций, вытянула руку — и вот здесь Кирилл подался вперёд, почти касаясь плечом плеча Марко, забыв на секунду о дистанции, которую они держали друг с другом с первого дня.

Рука в перчатке легла на дверцу сразу, без промедления. Не провела пальцами по соседним рядам, не ощупала бронзовые таблички слева и справа, как делает человек, который ищет нужный номер в темноте наугад. Легла — и замерла, будто была уже дома.

— Стоп, — сказал Кирилл.

Охранник послушно поставил на паузу. На экране рука зависла у металлической дверцы, чуть смазанная движением, но угол хватало, чтобы увидеть номер таблички рядом — тусклая гравировка, разобрать которую труда не составило.

— Одна тысяча девятьсот семнадцать, — прочитал Марко вслух, и в голосе у него впервые за это утро не было привычной сухости отчёта.

— Прокрутите вперёд, — сказал Кирилл охраннику, — что было дальше.

Дальше было немного: фигура постояла у дверцы ещё несколько секунд, явно не решаясь или, вернее, что-то прикидывая — Кирилл различил лёгкий наклон плеч, тот жест, который люди делают, слушая звук за спиной, — а затем отступила и исчезла из кадра так же спокойно, как появилась. ,

* * *

Техник — сухощавый парень с татуировкой карабинерского орла на запястье, выглядывающей из-под рукава форменной рубашки, — присел на корточки перед дверцей номер 1917 и посветил фонариком в щель между рамой и полотном.

— Замок повреждён снаружи, — сказал он, не оборачиваясь. — Видите царапины у скважины? Пытались отжать язычок отмычкой, потом, видимо, поняли, что бесполезно, и взялись за кодовый диск.

Он тронул латунный диск пальцем, тот качнулся с сухим щелчком, ровно, без люфта.

— А вот здесь — ничего. Диск не тронут. Ни следа. Кто бы это ни был, до цифр он не добрался.

Марко присел рядом, разглядывая механизм с той же кислой сосредоточенностью, с какой смотрел на всё в это утро — не потому что верил в результат, а потому что положено было смотреть.

— Значит, замок мог бы поддаться, а код — нет, — сказал он. — Столетний сейф оказался крепче слесаря.

Кирилл молчал, глядя на диск. Цифры на латуни были стёрты временем почти до гладкости, но угадывались — как борозды на подошве старого ботинка. Он вспомнил не диск, а голос сестры, тот, дрожащий, между сном и явью, когда она в третий раз повторяла одно и то же, вцепившись в его рукав, будто боялась, что цифры выпадут из памяти, если разжать

пальцы.

Двенадцать. Пять. Четырнадцать. Двадцать девять. Три.

Он тогда решил, что это бред, осколок видения, случайный набор, зацепившийся за какую-то дату, — и не придал значения. Теперь, стоя перед латунным диском, он понимал, что цифры выстроились слишком ровно для случайности. Пять пар. Пять разломов на диске, если считать зазубрины между цифрами так, как считали в начале века, — по группам.

— У меня есть комбинация, — сказал он, стараясь, чтобы голос прозвучал буднично, вскользь, как если бы речь шла о вчерашнем номере машины.

Марко поднял голову.

— Комбинация. Чья?

— Обрывок. — Кирилл пожал плечами, глядя не на Марко, а на диск. — Сестра бормотала цифры, когда её трясло после задержания. В отеле, вчера вечером. Испуганный человек в шоке иногда цепляется за первое, что всплывает в голове, — дату рождения, номер телефона, что угодно. Я записал на всякий случай. Профессиональная привычка.

Это было не совсем ложью. И не совсем правдой. Он не сказал, что цифры пришли не из шока, а из вспышки чужой памяти, из голоса женщины, которую сестра никогда не видела, но назвала по имени. Марко такого объяснения не заслуживал, во всяком случае, не сейчас, не на голодный желудок сомнений, которые ещё не переварились в союз.

Марко смотрел на него дольше, чем требовалось для простого недоверия.

— Совпадение цифр из шока и код к сейфу тысяча девятьсот семнадцатого года, — сказал он медленно, будто взвешивал каждое слово на весах, которые давно потеряли точность. — Вы сами верите в то, что говорите?

— Не особенно, — честно ответил Кирилл. — Но у нас пустой диск, повреждённый замок и два визита к одной дверце. Терять нечего, лейтенант. Хуже, чем сейчас, точно не будет.

Марко бросил взгляд на техника, тот пожал плечами с видом человека, которому всё равно, лишь бы поскорее закончилась смена. Потом посмотрел на охранника у входа в хранилище, замершего с планшетом в руках, как будто ждал команды сверху, которая всё не приходила. Наконец Марко выдохнул через нос, коротко, с досадой, и кивнул на дверцу.

— Только протокол потом подпишете как надо. Никаких «интуиций», Кирилл. Официально — предположение, основанное на показаниях свидетельницы в состоянии стресса. Понятно?

— Понятно.

Он сам не понял, зачем произнёс это вслух — то ли для протокола, то ли для того тихого голоса внутри, который последние сутки настойчиво напоминал: границы между официальным и настоящим стираются быстрее, чем хотелось бы.

Кирилл присел перед ячейкой. Латунь была прохладной,

чуть шершавой под пальцами, будто металл за век впитал в себя пыль пополам с воском. Он положил ладонь на диск и на мгновение замер, ожидая — сам не зная чего: вспышки, дрожи в затылке, того знакомого рывка, который выдёргивал его из настоящего в чужое прошлое. Ничего не произошло. Диск был просто диском, холодным и безучастным, как и полагается металлу.

Он повернул его вправо, к двенадцати. Механизм внутри отозвался коротким, сухим щелчком, почти неслышным, будто кто-то стукнул костяшкой пальца по дереву. Влево, к пяти. Ещё щелчок, на полтона глуше. Вправо, к четырнадцати.

Марко стоял рядом, скрестив руки, и Кирилл слышал, как меняется его дыхание — становится короче, чаще, хотя лицо оставалось всё таким же кисло-скептическим.

Влево, к двадцати девяти. Диск пошёл туже, будто столетняя смазка застыла именно на этой отметке, и Кирилл на секунду испугался, что ошибся, что цифра выпала из памяти сестры не в том порядке. Но диск довернулся, с тем же сухим щелчком, и вправо, к финальной тройке, пошёл уже легко, почти охотно, словно механизм узнал руку, которая давно его не тревожила.

Кирилл убрал ладонь с диска и посмотрел на дверцу. Она молчала, латунная и равнодушная, будто и не собиралась поддаваться никакому коду, ни правильному, ни случайному. Он взялся за маленькую ручку сбоку, вдавил её вниз, до

упора, и потянул на себя.

* * *

Дверца шла тяжело, с тем сухим скрипом, каким жалуется на старость сустав, не разгибавшийся сто лет. Кирилл тянул на себя, не спеша, чувствуя сопротивление металла — не заклинившего, а просто отвыкшего от движения, — и в какой-то момент петля поддалась вся сразу, с коротким выдохом, будто хранилище само наконец решилось.

Марко подался вперёд, забыв о своей скептической позе. Техник за его плечом застыл с планшетом на весу, как студент, которого вызвали к доске и который вдруг не помнит ни слова.

Внутри было темно, и Кирилл на секунду ощутил абсурдное желание сунуть туда руку, как в детстве в дупло дерева, — не зная, что там, готовясь и к ужу, и к находке. Пальцы нащупали пыль, потом что-то твёрдое, обёрнутое в ткань, слипшуюся от времени в единый ком. Он вытянул это на свет.

Футляр. Небольшой, продолговатый, обитый когда-то бархатом, а теперь — чем-то средним между бархатом и трухой, тёмно-бордовым в тех местах, где цвет ещё держался. Крышка подалась легко, без сопротивления, будто и она ждала этого момента.

— Это всё? — спросил Марко, глядя мимо футляра, в пустоту ячейки за ним, словно надеялся, что там, в глубине, найдётся что-то ещё, более убедительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.